

НАУЧНАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Источниковый депозитарий

«ЭТА УДИВИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ ВОЛГОВЕРХОВЬЯ НАД МОИМ СЕРДЦЕМ...»: ПИСЬМА Л. А. МИХАЙЛОВОЙ С. Ф. ПЛАТОНОВУ

В. В. Митрофанов

Филиал Южно-Уральского государственного университета (Научно-исследовательского университета) в г. Нижневартовске. Нижневартовск, Россия. Viktor-n1962@mail.ru

С многочисленными слушательницами Женского педагогического института С. Ф. Платонов продолжал переписываться и после окончания ими обучения. Наиболее продолжительная и интересная переписка, продолжавшаяся с 1909 по 1928 г., была с Л. А. Михайловой, которая в силу сложившихся жизненных обстоятельств и стараниями С. Ф. Платонова оказалась в Ольгинском монастыре на верхней Волге. Творческие и духовные искания автора писем проходят через препятствия, которые связаны были с состоянием здоровья Л. А. Михайловой.

Публикуемые письма Л. А. Михайловой являются важным историческим источником о жизни Ольгинского монастыря с момента его открытия и до закрытия. Многие неизвестные факты жизни обители позволяют воссоздать его историю, в полной мере оценить масштабную помощь ученого в разрешении финансовых проблем монастыря, особенно в период отделки Спасо-Преображенского собора. Они отражают и разные этапы в истории России: Первая мировая война, установление советской власти, НЭПа и утверждение тоталитарного режима.

Ключевые слова: *С. Ф. Платонов, Н. Н. Платонова, Л. А. Михайлова, игуменья Вера, Ольгинский монастырь, переписка, духовные искания.*

Появившиеся в последние два десятилетия многочисленные работы о творчестве С. Ф. Платонова и его школе [Мамонтова, 2002; Брачев, 2005] свидетельствуют о том, что российская историография пытается исправить несправедливость в отношении ученого и патриота России. Ряд монографий обозначил новые важные направления научных изысканий, посвященных исследованиям ученого, его теоретическим построениям. Сегодня «все более утверждается представление о выдающемся значении творчества Сергея Федоровича Платонова в развитии науки (особенно методики исторического исследования) и образования» [Шмидт: 1997, С. 549]. Современные исследователи видят в «князе науки» блестящего археографа [Чирков: 2005, С. 199–250] и организатора краеведческого движения [Кузнецов: 2010, С. 194–197], архивного дела [Мельников: 2008, С. 33–35], просветителя российской провинции [Митрофанов: 2014].

Все больше вовлекаются в научный оборот материалы из личного архива С. Ф. Платонова, прежде всего, его эпистолярное наследие, хранящееся в разных столичных и провинциальных архивах. Авторитетный историограф В. П. Корзун

убеждена, что переписка – «безусловно, важный элемент развивающегося самосознания исторической науки, теснейшим образом связанного с особым миром научных сообществ. Реконструкция этого мира с его жизненным каркасом, традициями и «правилами игры» представляется назревшей задачей современной историографии» [Корзун: 1999, С. 179].

Организатор системы образования в России конца XIX – начала XX в. С. Ф. Платонов активно участвовал в реформе средней школы, занимался развитием высшего женского образования. «Сейчас становится все очевиднее непреходящее значение <...> С. Ф. Платонова в развитии науки и образования» [Шмидт: 2001, С. 10], – отмечал выдающийся историограф С. О. Шмидт, и с этим трудно не согласиться.

Несмотря на значительные достижения в изучении наследия ученого, выявление ранее малоизвестных и неизвестных фактов его биографии остается в поле внимания ученых. Многие стороны творчества и организаторской деятельности С. Ф. Платонова затрагиваются фрагментарно, поэтому требуется осуществление комплексных исследований, в том числе и его просветительская деятельность в провинциальных городах.

Ученый поддерживал связи с десятками любителей истории из многих регионов страны. Особой плодотворностью отличается его сотрудничество с тверскими деятелями краеведения, музейного строительства, местными археологами. Свой талант историка, просветителя С. Ф. Платонов неоднократно демонстрировал перед заинтересованными слушателями Твери, выступая на крупных мероприятиях: церковно-археологических курсах (1904 и 1912 гг.), с лекцией в пользу Общества организации образовательных путешествий при Тверской классической гимназии (1906 г.), памятных торжествах, посвященных чествованию деятелей Смуты (1910 г.). Неоценимая помощь была оказана тверским любителям древности в судьбе тверского музея. Подвижническую деятельность С. Ф. Платонова в области просвещения С. О. Шмидт рассматривал «как общественное служение» [Шмидт: 1997, С. 14].

Отдельный интерес представляет особый вид коммуникаций историка, не привлекавший длительное время внимание исследователей. Речь идет о поддержке отношений С. Ф. Платонова с представителями монастырской среды и оказании финансовой помощи монастырям. История строительства Спасо-Преображенского собора в Ольгинском монастыре в верховьях Волги стала недавно объектом специального исследования [Глушков: 2009, С. 89–101]. Заметим, что автор упомянутой работы имя С. Ф. Платонова даже не упоминает. Хотя сегодня выявлен большой массив письменных источников эпистолярного жанра по этому вопросу, который постепенно вовлекается в научный оборот [Митрофанов: 2016, С. 31–37]. Примером этого и является предлагаемая публикация.

Несмотря за необыкновенную занятость, С. Ф. Платонов ежедневно писал десятки писем. Он продолжал поддерживать добрые связи со своими бывшими учениками и слушательницами. Много лет он работал на Высших женских (Бестужевских) курсах, по предложению президента Академии наук великого князя Константина Константиновича в 1903 г. возглавил Женский педагогический институт (ЖПИ). Среди его слушательниц, с которыми поддерживались многолетние отношения, были, например, М. А. Островская (1884–1927), А. В. Пруссак (1887–1956) (в замужестве Беляева), А. П. Лебедевская. К этой замечательной плеяде женщин-ученых следует причислить А. М. Александрову (первая женщина, возглавившая Рязанский женский институт), Е. В. Гогель (крупный библиотечный работник), В. Д. Андреевскую-Прозоровскую (организатор

высшего и среднего образования в Вологодской губернии).

Не менее интересна роль С. Ф. Платонова в судьбе еще одной слушательницы ЖПИ Лидии Александровны Михайловой. Это имя широкой общественности не известно, на первый взгляд оно ничем не примечательно. Биографические сведения о ней скудны и только ее письма, адресованные Сергею Федоровичу и Надежде Николаевне Платоновым, позволяют во многом восстановить этот пробел. Здесь же отметим, что родилась она в 1892 г. Эта дата восстанавливается по упоминанию в одном из писем, когда Л. Михайлова пишет: 9/22 ноября 1927 г. «Но мне ведь уже 35 лет, как-то странно начинать жить сначала»¹ [здесь и далее сохранена пунктуация автора. – В. М.].

Отдельные штрихи о ее семейных обстоятельствах получаем из писем, адресованных директору института. Большая мать, отец умер еще 1899 г., недостаток денежных средств, семья на грани бедности. Узнаем и адрес, по которому проживала Л. Михайлова, занимая комнату. Природа наделила ее многими творческими задатками, при этом обделив здоровьем. С момента поступления Л. Михайловой в ЖПИ Платоновы будут принимать непосредственное участие в ее судьбе. Об этом свидетельствуют и публикуемые письма.

В 1911 г. Л. А. Михайлова окончила институт, и по просьбе С. Ф. Платонова настоятельница (игуменя Вера) Ольгинского монастыря – обители на Волговерховье – согласилась приютить его выпускницу, которой по ее болезненному состоянию не рекомендовалось проживать в Петербурге. И вот 19-летняя Лидия Михайлова едет, как она думала, на лето отдыхать, подышать деревенским воздухом, набраться сил и здоровья в этой обители.

Тема здоровья – одна из основных в письмах Лидии, по которым можно наблюдать о внутреннем душевном состоянии автора. Порой она приходит в отчаяние, переживает периоды упадка, даже нежелания жить. Но проходит время, меняется ситуация, снова появляется живительное настроение, продолжается духовный поиск смысла жизни, идет внутренняя работа над собой, обстоятельствами и обстановкой. В этой тяжелой работе и стремлении обрести смысл человеческого существования значимую роль играли письма Платоновых. Длительный путь исканий приво-

¹ Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (далее. – ОР РНБ), Ф. 585. Ч. 1. Оп. 4. Д. 5958. Л. 38.

дит Лидию к важному шагу в ее жизни. 6 августа 1924 г. она принимает постриг в рясофор с именем Людмилы¹.

Кроме узкого монастырского окружения, нескольких поездок по монастырям Тверской, Нижегородской и Новгородской епархий, редких личных встреч и бесед, прежде всего, с Платоновыми, Л. Михайлова упорно работает над собой: читает произведения Тургенева, труды основоположника научной педагогики К. Д. Ушинского, книги по истории, интересуется географией.

В монастыре Л. Михайлова продолжает делать литературные пробы, пишет небольшие очерки (некоторые литературные опыты: «Письма о Волговерховье», «Geniusloci» – публикуются в приложении). Сегодня становится известно и об «Историческом описании Волговерховской обители», и намерениях приступить к этнографическим исследованиям о говорах Осташковского уезда. Эти начинания определенно указывают на творческий потенциал Л. Михайловой, но оторванность от литературной и научной среды, монастырская повседневность, на многие годы определившая характер ее жизни, имели определяющее воздействие на духовное взросление и развитие Л. Михайловой. Ее постоянная борьба за физическое существование также не способствовала развитию природных задатков и их реализации. В одном письме читаем: «<...> *продолжаю тупеть, дуреть, равнодушествовать и, пожалуй, чахнуть...*».

Подробности первых впечатлений о приезде в Осташков, а они начались 2 июля 1911 г. после отъезда из Петербурга днем раньше, мы находим в кратком очерке, который и помещаем ниже:

«Давно, друзья мои, собиралась я подробно описать Вам свое первое знакомство с тихой пустынной обителью Св. Ольги на истоке р. Волги, и вот, наконец, исполняю свое обещание.

Было чудное утро 2-го июля 191* г., когда я в душном набитом вагоне железнодорожного поезда подъезжала к маленькому уездному городку Осташкову. Поезд сбавил свой ход и, наконец, остановился у платформы вокзала этого городка. Старый однорукий носильщик вынес мою корзину, я подхватила другую, и мы быстро вышли со станции на площадь к извозчику. Старый возница, в потертом армяке, не торгуясь, посадил меня, и мы тронулись в путь.

Осташков, по своему местоположению, не похож на другие наши уездные города: окруженный с трех сторон водами озера Селигера, он напоминает приморский городок. Но сам по себе он ока-

зался маленьким, пыльным с деревянными, большею частью покрякивающимися домами, и, внимательно разглядывая дома и попадавших мне навстречу людей, я понимала, что здесь новый, еще неведомый мне мир; но болезненно сжалось мое сердце: плесенью застою пахло на меня от этих тесных низких жилищ. Где и души людские то, казалось мне, застыли в этом болоте, задохнулись от жизненной плесени и пыли.

Неожиданно на повороте главной, Знаменской улицы, блеснуло озеро, и мы с грохотом и лязгом подкатили к пристани. Там стоял сравнительно небольшой пароход «Селигер», на палубе которого суетились несколько довольно грязного вида человек. Которые казались, не замечали никого из находящиеся здесь живых людей, а, знай, таскали мешки с мукой, ящики, тюки и при этом так шумели и кричали, что я приостановилась около сходней и выжидала момента проскользнуть на палубу. Капитан парохода заметил меня, сам внес на пароход мои вещи, и я с облегченным сердцем заняла место на корме парохода.

Было около 10 часов утра. Стояла чудная погода: солнце светило на безоблачном небе, ветерок плескал водою о берег, о стенки парохода, слегка покачивал его на волнах; изредка доносился тонкий аромат цветов, вероятно, из ближнего сада; передо мной серебром блеснуло озеро, надо мною звучали колокола соседнего монастыря в бездонной синеве неба, утопая, звенели жаворонки, и сердце мое было так полно торжественности, близости к чему-то неведомому еще, но неотразимо привлекательному. Мысленно я уносила вперед, туда, где находился столь чисто, детски – трогательно и столь глубокоуважаемый и почитаемый мною мой учитель, профессор С. Ф. Платонов².

Но вот раздался третий свисток, и пароход медленно стал отходить от пристани и пошел вдоль берега. Обогнули остров, на котором расположился Житенный мужской монастырь³, и, выйдя на более глубокое открытое место озера, пароход пошел полным ходом.

Бесчисленные зеленые островки на озере, неожиданно при каждом повороте парохода, открывающиеся красоты природы отвлекли меня от моих дум. Один из островков в дали особенно привлек мое внимание: на нем расположился белокаменный, сверкающий главами своих церк-

² В 1911 г. семья Платоновых летний отдых проводила на Селигере.

³ Осташковский Житенный Смоленский мужской монастырь, основан в 1716 г. Расположен на острове Житном (озеро Селигер), соединен с городом насыпью.

¹ ОР РНБ, Ф. 585. Ч. 1. Оп. 4. Д. 5958. Л. 12 – 12 об.

вей монастырь Преподобного Нила Столобенского¹.

С интересом осматривалась я кругом, и взор мой отдыхал на зеленом бархате полей, пестрых коврах лугов, а слух мой услаждался таинственным шелестом лесов и звонким пением птиц, скрывающихся в развесистых ветвях деревьев. Мы плыли мимо старинных усадеб – дворянских гнезд, мимо старых церквей, деревень, то разбежавшихся по склону холма, то столпившихся на берегу, – и стоят их домики неподвижно, как зачарованные, глядясь в сонное зеркало вод.

Как цветок раскрылась моя душа под лаской солнца и чудной природы. В моем сердце звучали неземные голоса, слагавшие гимн Богу и вселенной, и, вся притихши, молча, наслаждалась я новыми и новыми красотами, развертывающимися при каждом новом повороте парохода.

“А вот и имение кн. Ш.”² – неожиданно нарушил мое тихое очарование, чей-то голос. Я оглянулась: капитан указывал на видневшийся вдали среди старых елей и лип крыши барской усадьбы – цели моего путешествия на пароходе. Пароход подходит к самой пристани – легкий толчок, стук сходень, и я, несколько смущенная и взволнованная, уже на берегу, – жму руку профессору, чувствую на лице поцелуй жены его, дочерей, и, увлекаемая ими, по тенистой аллее, поднимаюсь по ступенькам к цветнику и вхожу в дом. Быстро приводя себя в порядок после пути, спускаюсь в столовую, где, в ожидании меня, кипит кофе, и в масле шипит жаркое. Добрые взгляды, привет и ласка семьи профессора меня ободряют, – я осматриваюсь, отвечаю на вопросы, и начинаю ощущать в сердце своем тихое успокоение и отраду, как бы уже достигнув в жизни тихой пристани.

Как сон промелькнули два дня под гостеприимным кровом, ставших мне дорогими людей, и настала минута, когда я вижу себя усаживающейся в экипаж для следования в Волговерховский женский монастырь, – конечную цель моего путешествия в этот глухой, далекий от столичной жизни, уголок нашей матушки России.

Замечательно живописна дорога в монастырь:

¹ Нило-Столобенская пустынь – православный мужской монастырь, расположенный на острове Столобном и частично на полуострове Светлица, в 10 км к северу от города Осташкова, на озере Селигер.

² Речь идет о Владимире Ивановиче Шаховском, родившемся в 1857 г. в имении «Покровское». Его отец кн. Иван Яковлевич (умер в 1859 г.) был уездным предводителем дворянства, а сын – членом уездной земской управы в Осташкове. В 1906 г. он вышел в отставку, управлял имением Покровское у деревни Свапуца Осташковского уезда, которое принадлежало брату Якову. По имеющимся лаконичным сведениям в 1923 г. арестован и расстрелян.

то извивается она по холмам среди зреющих полей, то убегает в прохладную тень лесов. Быстро и легко катился экипаж по прекрасной дороге. Я сидела молча, и радовалась и зеленые сосны, на темно-голубое небо с белоснежными облачками, и на золотое солнышко; с наслаждением вдыхала я крепкий аромат растопленной солнцем смолы, любовалась зубчатой стеной поднимающегося передо мной леса, блестящею поверхностью красивых маленьких озер, скрывающихся в лесной глуши и серебром своих вод заливающих низкие берега. Душа моя отдыхала, наслаждалась тишиной, величавой простотой природы, набиралась свежих сил, училась у природы жизни. Незаметно промелькнули 18 верст пути, и взорам нашим предстала, наконец, скромная обитель, тихая пристань от жизненных бурь и тревог»³.

Рассказ читается легко, с интересом. Здесь прекрасно описаны и город Осташков, и дорога, и замечательная природа, несколькими точными мазками дана характеристика встречающихся местных жителей и капитана, точно передаются переживания самой героини. Ее интересует все, поражают красотой монастыри, которыми богат Селигерский край. Возможно, после публикации эти этюды привлекут внимание местных литераторов, которые и дадут свою оценку их достоинствам, если таковые есть. Конечно, такой мастер, как С. Ф. Платонов, не считал возможным их публиковать. Но местное значение они, безусловно, имеют.

С этого времени, с 5 июля 1911 г., начинается второй и продолжительный период жизни вчерашней выпускницы ЖПИ Л. Михайловой – жизни в Ольгинской обители. Именно по ее многочисленным письмам сегодня есть возможность воссоздать многие страницы по истории монастыря. В этом и есть главная заслуга Лидии Александровны.

По письмам можно проследить и численность монахинь в обители, например, в 1919 г. она фиксирует 30 человек, а в 1920 г. – уже 25. Обратим внимание и на интересные сведения о погодных условиях в округе за почти 17 лет в разные времена года. Можно говорить о том, что метеонаблюдения, зафиксированные на бумаге, при этом сделанные случайно, без определенной научной цели просто для бытовых и информационных нужд, будут интересны географам и другим специалистам.

Пророчески звучат ее слова: «<...> но так как пройдет, может быть еще много лет, прежде чем явится возможность стильно и окончательно от-

³ ОР РНБ, Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3573. Л. 51 об. – 53.

делать храм» (речь идет о Спасо-Преображенском соборе). Но эту мысль следует рассматривать и в смысле, что отделать храм – значит совершенствоваться, становиться лучше. Страна пережила 100 лет после описанных в письмах событиях, а храм как был не отделан, таким остается и сегодня. Хочется надеяться, что возродившаяся монастырская жизнь на Волговерховье под руководством нынешней игуменьи Софьи будет способствовать завершению дела С. Ф. Платонова, игуменьи Веры, А. Н. Вараксина, Л. Михайловой и всех сестер по отделке красивейшего храма на истоках Волги.

Первое письмо из монастыря Л. Михайлова написала Сергею Федоровичу через год, оно датируется 1 июля 1912 г. На новом месте, чтобы не быть обузой для монахинь, Л. Михайлова исполняет обязанности письмоводительницы, работа была постоянная, особенно объем увеличивался перед христианскими праздниками, когда отправлялось до 200 писем. Но были интересные планы по развитию уровня образования монахинь, о чем свидетельствует следующая фраза: «Были у меня и планы действий, были и движения «наступательные». В местной школе освободилось место учительницы, с энтузиазмом Л. Михайлова принялась за работу, правда, физически изматываясь, она вскоре отказалась от учительства.

Внимательное прочтение писем, изучение изложенных фактов и событий позволяет говорить о картине монастырской жизни как «специфике провинциального социума» [Алеврас: 2000, С. 14–38], особой организации монахинь и послушниц Ольгинского монастыря.

Отметим, что публикуемые письма расширяют наши представления о многолетних разносторонних связях С. Ф. Платонова с известными краеведами, археологами, архивистами, деятелями образования и музейного дела Тверского края [Митрофанов, 2014; Митрофанов, 2015]. Теперь они дополняются сведениями участия выдающегося историка в решении финансовых вопросов по отделке Спасо-Преображенского собора и других значимых строительных работах по обустройству обители. Большую роль он сыграл и в духовном совершенствовании бывшей слушательницы ЖПИ. Здесь же помещаем и одно из обнаруженных ответных писем С. Ф. Платонова.

Письма публикуются по правилам современной орфографии, сокращения раскрываются в квадратных скобках. Тексты на конвертах (л. 23, 25, 35, 61) опущены.

Приложение

Письма Л. А. Михайловой С. Ф. Платонову за 1909–1928 гг.¹

4-го июня 1909 г.

№ 1

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Простите, что беспокою Вас своим письмом, но мне очень хотелось бы выяснить недоразумение, возникшее между мной и Конторой Мраморного дворца². Дело в том, что в виду обостряющейся болезни моей матери и сложившихся весьма неблагоприятно обстоятельств, деньги, полученные мною от Вас³, стали быстро расходоваться, Я, следуя Вашему совету обратиться по этому делу в Контору Мраморного Дворца, решила отправиться к Его Превосходительству ген[ералу] Кеппену⁴, чтобы узнать прежде, могу ли я получить еще денег и, если можно, то когда?

Ген[ерал] Кеппен отнесся очень недоверчиво ко мне, хорошо вспомнить то, что Вы говорили ему обо мне, не мог, отозвался неведением относительно 50 рубл[ей], мною полученных в мае от Вас, но обещал поговорить обо мне с Екатериной Семеновной⁵, в беседе с которой высказал крайнее удивление, даже возмущение, что я обратилась с подобной просьбой в Контору Мраморного Дворца, не находя никакого для этого повода. Вместе с тем ген[ерал] Кеппен заявил, что К[онтора] М[раморного] Д[ворца] подобного обстоятельства – выплачивать мне на жизнь периодически неопределенные суммы на неопределенные сроки – принять не может, что, вероятно, тут произошла ошибка, возникающая из неправильного понимания мною Ваших слов, но, вместе с

¹ Исключение в этом комплексе составляет одно опубликованное письмо С. Ф. Платонова, являющееся ответом на одно из посланий Л. А. Михайловой (№ 17).

² В это время хозяином дворца был в. кн. Константин Константинович – президент АН, Почетный попечитель Женского педагогического института, где С. Ф. Платонов занимал должность директора.

³ В ЖПИ недостаточным слушательницам выдавалось разовое пособие до 100 руб. в год.

⁴ Кеппен Павел Егорович (1846–1911) – управляющий делами в. кн. Константина Константиновича, Двора Ее Императорского Высочества Великой Княгини Александры Иосифовны, а также являлся членом Совета детских приютов при Собственной Его Императорского Величества Канцелярии по учреждениям Императрицы Марии и Попечителем Ведомства учреждений Императрицы Марии Федоровны о слепых.

⁵ Султан-Шах Екатерина Семеновна (1861–1931) – помощница директора Императорского женского педагогического института.

тем, Екатериною Семеновною были присланы на мое имя 25 рубл[ей].

Екатерина Семеновна, вызвав меня, подтвердила слова Кеппена, прибавив что из Мр[аморного] Дв[орца] выдается для института не более 100 рубл[ей] в год, что тут речь может идти только о временном пособии слушательнице какой-либо, что он, вероятно, говорил о другом каком-нибудь источнике выдачи подобного рода сумм, что я, вероятно, все спутала, не поняв хорошенько Ваших слов.

У меня же сложилось такое представление: Вы решили похлопотать обо мне у Великого Князя К[онстантина] К[онстантиновича], но в виду того, что Князь уехал в Хабаровск, дело было передано Управляющему всеми делами Великого Князя – ген[ералу] Кеппену. Дело было решено в благоприятную сторону, из сумм Великого князя было выдано для меня 50 рубл[ей], каковые Вы и вручили мне меж 15 и 20 мая, точно не помню, прибавив, что в дальнейшем в случае необходимости надо обратиться в К[онтору] М[раморного] Д[ворца] не ранее середины лета. Забыла добавить, что дело мое было решено в мою пользу только на том условии, чтобы по окончании курса Института я выплачивала полученные мною деньги.

Не зная, на какой срок выданы мне были деньги, я 30-го сего июня отправилась к ген[ералу] Кеппену, чтобы узнать относительно срока, могу ли я получить еще денег и, если могу, то когда.

Весьма возможно, что с моей стороны действительно произошла ошибка, но я действовала согласно тому, как поняла Ваши слова.

Не будете ли столь добры, многоуважаемый Сергей Федорович, еще раз объяснить мне все дело как оно есть, чтобы разъяснить возникшее недоразумение, чрезвычайно меня смутившее и крайне волнующее.

Еще раз очень, очень извиняюсь за беспокойство с моей стороны.

Если Вас не затруднит, многоуважаемый Сергей Федорович, соблаговолите ответить мне по адресу: Пет[роградская] Стор[она]. Гатчинская ул., Д. № 1, ком[ната] 105. Л. Михайловой.

Благодарная и глубоко уважающая Вас слушательница Педагогического Института, Лидия Михайлова.

ОР РНБ, Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3573. Л. 1–3.

№ 2

Понедельник, 13-го июля 1911 г.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Простите, что беспокою Вас своим письмом,

но не откажите принять от меня маленькую книжку журнала «Нива»¹; в ней среди других рассказов Вы найдете небольшой очерк «Детская площадка» под моим именем.

Так как к Сергею Ивановичу Сазонову² направили именно Вы, так что без Вас и не было бы этого очерка, я возымела смелость Вам его и посвятить. Да и вообще, Сергей Федорович, я так много обязана Вам всем, что не в силах возместить и сотой доли того, что Вы сделали для меня и потому я пользуюсь каждым случаем, когда бы я могла засвидетельствовать Вам все то, что я питаю для Вас в своей душе.

Спасибо большое Вам, Сергей Федорович, за все, за все, за все заботы Ваши обо мне, мне так дорого внимание каждого человека ко мне, а особенно Ваше: с Вашим именем у меня связано другое имя – самое дорогое для меня – моей мамы.

Спасибо Вам и за экскурсию, я очень много получила от нее, я так счастлива, что имела возможность участвовать в ней; эти две недели никогда не забудутся, не изгладятся в моей душе. Спасибо и за Ваши заботы обо мне во время экскурсии, я не заслужила их, тем более благодарю Вас за них.

Все полученные впечатления теперь начинают проясняться, приходить в систему, и все они такие светлые и хорошие, что долго будут светить мне и согревать мою унывающую подчас душу. Теперь мне и лето не страшно, кажется, что стены моей коморки как-то раздвинулись, точно свежее стало кругом. Спасибо.

Искренне и глубоко уважающая Вас, Лидия Михайлова.

P. S. Немножко обидно только, что в книжке много опечаток. Если не будет очень затруднительно для Вас, пожалуйста, черкните мне слова два – получили Вы мою книжку или нет.

Мой адрес: П[етербург]. Петерб[ургская] Стор[она]. Малый пр., д. № 44, ком[ната] 4.

ОР РНБ, Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3573. Л. 6–7.

№ 3

Петербург. 18-го июня 1911 г.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Как я Вам благодарна за Ваше хорошее письмо ко мне, только не стою я его.

Очень благодарю Вас за сообщение о монастыре, жизнь там мне бы очень подошла. Еликонида Михайловна Железко все время думала устроить

¹ «Нива» – популярный русский еженедельный журнал середины XIX – начала XX в. с приложениями. Издавался 48 лет с конца 1869 по сентябрь 1918 г.

² Сазонов Сергей Иванович (1866–1931) – отечественный химик и педагог.

меня куда-нибудь на лето, было некоторое предложение – в Коломягах¹, в Финляндии, но сердце Еликоницы Михайловны как то не лежало к ним. А тут и письмо Ваше подошло – лучшего для меня и придумать нельзя.

Так вот, Сергей Федорович, если Вас это не очень затруднит, пожалуйста, переговорите с мат.² игуменьей обо мне, и в случае ее согласия принять меня к себе, сообщите мне об этом, об условиях тамошней жизни и о маршруте. Елик[оница] Мих[айловна] отправляется на Волгу и мы вместе могли бы доехать до самого монастыря.

Так, пожалуйста, Сергей Федорович, если Вам не будет очень трудно – устройте мне это. Заранее извиняюсь и очень благодарю Вас за Ваши хлопоты обо мне.

Искренне и глубоко уважающая Вас, Лидия Михайлова.

ОР РНБ, Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3573. Л. 8–9³.

№ 4

Петроград. 27 июня 1911 г.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Получила Ваше письмо, большое Вам спасибо за точное и подробное сообщение маршрута; так все понятно и ясно, что, вероятно, доеду до места назначения совершенно спокойно и без хлопот. Из П[етер]бурга я отправлюсь, вероятно 1-го июля, раньше не успеть из-за разных мелких дел: поеду одна, без Елик[оница] Мих[айловны], которую дела все задерживают в П[етер]бурге и возможно, что и нынче, как ранее два года подряд, ей не придется поехать на Волгу. Путешествие свое я совершу согласно Вашим указаниям и советам, таким образом, в самом недалеком будущем я буду иметь счастье видеть Вас и несчастье – наскутить Вам своей особой.

Вообще я буду рада пожить в настоящей деревне, без газет и людей, но на чистом деревенском воздухе среди настоящей природы. Требования и условия моей жизни самые скромные, так что, надеюсь, матушке игуменье доставлю собой немного хлопот. Елик[оница] Мих[айловна] тоже довольна и рада, что теперь я имею возможность пожить в деревне и действительно отдохнуть.

Глубоко уважающая и преданная Вам, Лид[ия] Михайлова.

ОР РНБ, Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3573. Л. 4 – 4 об.

¹ Коломяги – в начале XX в. дачный пригород Санкт-Петербурга – в летние месяцы население увеличивалось до 5–6 тыс. человек.

² Мат., м. – здесь и далее «матушка».

³ Таких писем в папке два, второе пронумеровано листами № 29–30.

№ 5

1 июля 1912 г.

Монастырь на Волге.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Сердечно поздравляю Вас с днем Вашего Ангела и шлю Вам искренние лучшие пожелания. Надежду Николаевну и всю Вашу семью приветствую с дорогим именинником. М. Антонина также просит переслать Вам ее низкий поклон и сердечное поздравление. Дело диакона из Стержа кончилось печально – ему прислан указ с отказом в священническом месте.

21 июня здесь был архиерей – епископ Старицкий Арсений⁴ – председатель Тверского Комитета по сбору пожертвований на постройку зимнего собора. Встречать этого архиерея явились сюда стержские священник и диакон. Архиерей служил здесь обедню, стержской дьякон исполнял за обедней обязанности дьякона, но, видимо, не вполне удовлетворительно, т. к. архиерей делал диакону замечания в этом смысле. По дороге в Осташков архиерей заехал в Стерж. Там ему ничто не понравилось; вышел из себя, кричал и уехал оттуда очень недовольный всем. Результатом этой поездки архиерея для дьякона и является указ с отказом дьякону в священническом месте. Здешняя же жизнь вообще всех сестер и моя в частности проходит тихо, однообразно день за днем. Я, в сущности, в данное время довольна этой жизнью, по временам не вредно и ею пожить. Только письма и связывают меня с другим миром, – тем, что кипит и воюет.

Здоровье мое временами лучше, а временами и плохо; в общем, силы, жизни во мне мало.

Пока всего лучшего. Пожалуйста, передайте мой сердечный привет всей Вашей семье. Преданная Вам Л. Михайлова.

ОР РНБ, Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3573. Л. 10 – 11 об.

№ 6

1-го июля 1913 г.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Примите от меня душевное поздравление с днем Вашего Ангела и лучшие искренние пожелания. Глубокоуважаемую Надежду Николаевну и всю Вашу семью приветствую с дорогим именинником.

Надежду Николаевну сердечно благодарю за письмо, на днях отвечу, раньше не приходилось:

⁴ Архиепископ Арсений (в миру Александр Иванович Смоленец) (1873–1937) – епископ РПЦ. С 17 апреля 1912 г. – епископ Старицкий, викарий Тверской епархии. В 1914 г. временно управлял Тверской епархией.

то занята была, то гости отвлекали, да и сама уезжала в Новгородскую губернию – осматривала г. Валдай и его окрестности. Здоровье слабовато, но держусь. Всего лучшего. Преданная Вам Л. Михайлова.

Г. Осташков, Ольгин монастырь.

ОР РНБ, Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3573. Л. 12 – 12 об.

№ 7

Ольгин монастырь. 27 июля 1913 г.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Получила Ваше письмо, очень благодарю Вас за строчки, касающиеся моей приятельницы – педагогички, она осталась весьма утешенной.

Мат. Вера передала о Вашей встрече с гр. Голышицевой-Кутузовой¹ и об обещании Саблера² позаботиться о монастыре – искренняя радость.

Мат. Вера благодарит Вас за привет, шлет Вам усердный поклон. Я также. Преданная Вам Л. Михайлова.

ОР РНБ, Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3573. Л. 13 – 13 об.

№ 8

29 окт[ября] 1913 г.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Только что получили посланные Вами на мое имя деньги, всего 441 р[ублей] 30 к[опеек] в целости. Усердно Вас благодарим за Ваше внимание и доброе исполнение просьбы м. Веры. Раньше получить деньги нам не удавалось по причинам чисто хозяйственного свойства: все лошади наши были заняты – торопились кончать возку леса для здания нашего почтового отделения, при первой же возможности отправились в Осташков. М. Антонина с моей доверенностью и получила деньги.

Нашей мат. игуменьи еще нет дома, в настоящее время она на пути домой, завтра выезжает лошадь за нею в Свапуцу.

В обители все тихо. Собор закрыт до весны, только на почте производится усиленная работа: плотницкая часть уже почти совершенно закончена, осталась одна столярная – рамы и двери; печи тоже выложены, и с нового года наше почтовое отделение начнет действовать. Сестры усердно кланяются всему Вашему семейству. В свою очередь и я шлю глубокоуважаемой Надежде Николаевне с семейством душевный привет и

¹ Речь идет об одной из сестер-графинях, камер-фрейлинах Голышицевых-Кутузовых Аглаиде Васильевне (1853–1915) или Марии Васильевне (1851–1915).

² Саблер Владимир Карлович (1845–1929) – российский юрист и государственный деятель, обер-прокурор Святейшего Синода (2 мая 1911 – 4 июля 1915).

пожелания всего лучшего. Преданная Вам Л. Михайлова.

Ольгин монастырь, Волговерховье.

ОР РНБ, Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3573. Л. 14–15.

№ 9

17-го февраля 1914 г.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Давно я собиралась побеседовать с Вами, но немощи и спешные письменные дела мешали мне. Дело в следующем.

Недели полторы, две тому назад я получила от бывшей теперь слуш[ательницы] Педаг[огического] Инст[итута] Клавдии Дементьевой, Вам, вероятно, хорошо известной, письмо. Письмо, которое целиком я и переправляю Вам. Тяжелое впечатление произвело на меня это письмо ее, но что же я могу для нее сделать? Ничего иного я не могла придумать, как только обратиться к Вам: я привыкла в минуту трудную прибегать к Вашей помощи и совету, прошу и теперь для другого человека, а поэтому и для себя, т. к. испытываю тяжелое чувство какой-то вины перед ней.

Неужели действительно невозможно вовсе допустить ее на V курс? Неужели действительно этот факт совершившийся? Если это так – то ужасно. Надо Вам сказать, что ее мать и брат кончили свою жизнь самоубийством, и сама К. Дементьева неоднократно была на волоске от смерти такого же рода. Правда, она на многое в жизни смотрит с точки зрения также не совсем нормального человека, но это не ее вина, и теперь когда она в силу так печально складывающихся обстоятельств жизни стала в безвыходное положение и имея перед собой ужасный пример матери и брата, еще ниже стала потому к выполнению на деле своей безумной мысли покончить жизнь самоубийством, ее надо спасти, каким бы то ни было способом.

Это очень странный человек: одинокий, самолюбивый и крайне скрытный. Она почти душевнобольная и сама: с одной стороны она легко поддается всякому влиянию, а с другой – она упряма, и раз что задумает сделать – исполнит во что бы то ни стало. Родных у нее – две сестры замужних и два брата, один женат, другой холост, еще студент. В П[етерб]ург[е] живет только одна замужняя сестра – старшая, тоже недавно обнаружившая явные признаки психического заболевания. Все Дементьевы – очень странные люди: ссор между ними нет, но постоянно у них происходят какие-то недоразумения и отношения их друг к другу очень тяжелые, запутан-

ные. Так[им] обр[азом], душевный свой покой Кл. Дем[еньтвева], если и может обрести, то никак не в кругу своих близких родных.

Нельзя ли, Сергей Федорович, хотя что-нибудь сделать для нее в смысле допущения ее на V курс и более снисходительного к ней отношения.

Простите меня, Сергей Федорович, б[ыть] м[ожет] я не имею никакого права касаться этого вопроса – в бытность мою на курсах и Вы, а за Вами и вся Конференция на редкость чутко относились ко мне, к моему горю, и делали все возможное к облегчению моей жизни. Исключительно Вашему участию в моей судьбе я могла более или менее успешно окончить Институт и получила все, что только Вы могли сделать для меня в смысле устройства моего жизненного пути. Я это все хорошо помню и знаю, что я должна быть довольной этим и молчать, но ведь и К. Дем[еньтвева] тоже человек и человек с большой душой, а потому еще более нуждающийся в снисхождении к нему и участию.

Нельзя ли, Сергей Федорович, хотя занятие какое-нибудь ей доставить...¹ Простите меня, Сергей Федорович, б[ыть] м[ожет] я и злоупотребляю Вашим добрым ко мне отношением, но много для К. Д[еменьтвевой] я ничего не могла придумать.

И еще есть у меня к Вам большая покорнейшая просьба, а именно: исключительно для себя я составила в некотором роде, совершенно не мудрствуя лукаво, историческое описание Волговерховской обители; эти записки я прочла м[атушки] Вере, они понравились ей и настолько, что был поднят вопрос о напечатании их. Но в этом последнем никто из нас ничего не смыслит. Будьте добры, Сергей Федорович, укажите нам путь, направьте нас куда следует, так, чтобы расходы по печатанию были по возможности минимальные. Но я лично еще не уверена, чтобы мои записки представляли собою действительно нечто, что было бы интересно прочесть, и что давало бы известное цельное представление и уяснение истории здешнего м[онасты]ря, а посему, если Вы разрешите, я бы предварительно, всю мою стряпню представила бы Вам, на Ваш просмотр и суд, строгий, но милостивый. Вот это и есть моя просьба.

В нашем монастыре «удельном княжестве» все тихо. Я живу по-прежнему: продолжаю тупеть, дуреть, равнодушеествовать и, пожалуй, чахнуть, т. к. здоровье мое все также слабо. В П[етер]б[ург] ехать строго настрого запрещают мне и думать, что для меня очень грустно, ибо второй год

я никого из друзей своих не вижу и соскучилась изрядно. Ну да потерплю еще крошечку. М. Вера просит меня справиться у Вас: получено ли Вами то письмо ее, кот[орое] она отослала Вам в начале января и в кот[ором] она извещала Вас, куда и как адресовать благодарность ее Величеству. Вся обитель, с игуменьей во главе, а также и я непотребная, шлем Вам и глубокоуважаемой Надежде Николаевне, и всему Вашему семейству глубокий душевный поклон и поздравление с наступающим Великим постом при пожелании Вам всех благ. Нет ли чего новенького в институте? Преданная Вам Лид[ия] Михайлова.

На всякий случай сообщаю Вам адрес К. А. Дементьевой. Петербург. Петерб[ургская] Стор[она]. Ромашинская ул., д. 32, кв. 18. Это адрес сестры ее, у которой К. Д[еменьтвева] живет.

ОР РНБ, Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3573. Л. 18–22.

№ 10

17-го марта 1914 г.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Ваше письмо заказное я получила, о новой милости Св. Синода сообщила сестрам монастыря, радость несказанная. Написала и в Москву мат. Вере.

За Дементьеву шлю Вам горячее спасибо: делая ей добро, добро и мне делаете. Радуюсь за нее душевно, получила от нее письмо: как из мертвых она воскресла. Дай Бог ей только успеха. Спасибо. Преданная Вам Лид[ия] Михайлова.

ОР РНБ, Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3573. Л. 24 – 24 об.

№ 11

Карандашная помета:

[1]914 до 8 июля.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Позвольте поздравить Вас с днем Вашего Ангела и просить Вас принять к этому дню душевные наилучшие пожелания.

Матушка Вера, м. Антонина и с ними вся обитель Волговерховская также шлют Вам сердечные поздравления со днем Вашего Ангела и пожелания здоровья и всякого благополучия на многие годы. Глубокоуважаемую Надежду Николаевну со всем семейством Вашим все сестры поздравляют с дорогим именинником. Мат. Вера и все мы очень скучаем, что ничего о Вас не знаем и ничего Вы теперь нам не пишете, тогда как прежде Ваше слово так дорого всем нам.

В соборе пока нет никаких работ: главы все покрыли алюминием, поставили крест над алта-

¹ Здесь и далее так в письме.

рем; теперь дело за иконостасами и стенной внутренней живописью.

Архиерей Серафим пока еще не был у нас, ждем в середине сего июля. Владыка придет в Нилову Пустынь «на дачу» 8-го июля, а потом и к нам заглянет.

Назначили нового монастырского благочинного, а все вместе – и Владыка и благочинный много забот доставляют мне, как письмоводительнице. Священник у нас тот же и то же мучение с ним.

В монастырском лесу выстроили хорошенький домик – дачку для гостей обительских, а в деревне рядом с домом псаломщика, на месте избы нашего «дедушки» николаевского солдата уже красуется деревянный дом для священника; остались одни рамы и батюшке можно переходить. Пишу Вам в П[етер]бург, т. к. не знаю Вашего летнего адреса. При пожелании Вам еще раз всего наилучшего остаюсь искренне преданная Вам Лид[ия] Михайлова.

ОР РНБ, Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3573. Л. 16 – 16 об.

№ 12

2 июня 1915 г. Волговерховье.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Мат. Вера, м. Антонина и все сестры В[олговерховск]ой обители, а с ними и я шлют Вам сердечные поздравления с днем Вашего Ангела и искренние душевные пожелания всяческих благ от Господа.

Глубокоуважаемую Надежду Николаевну и всех Ваших семейных приветствуем с дорогим именинником. Хотелось бы сообщить Вам что-нибудь интересное о здешней обители и ее строящемся храме – да нечего, разве только что: наложили заплат и произвели форменный ремонт крыши храма: все после работ по серебрению куполов не можем очнуться – слишком потрачена была крыша рабочими. Теперь война, о нас забыли, только сестры неизменны в исполнении своих послушаний: забота о насущном хлебе, особенно теперь заставляют сокращать и без того скромные требования маленького монастырька и более ретиво взяться за полевое и огородное хозяйство, чтобы голодными не остаться на зиму. Вообще жизнь в монастыре идет по-старому.

У меня же лично есть к Вам опять некоторая просьба: одна из местных учительниц имеет желание получить звание домашней учительницы. Она подготовилась по программе Тверского епарх[иального] училища, но не знает, где сдавать экзамен и нужно ли знание иностранных

языков, и если нужно, то какое теоретическое или практическое?

Простите, что опять затрудняю Вас своими просьбами, но думаю, что кроме Вас, никто из моих знакомых не сможет дать точного и определенного ответа на подобный вопрос.

Кто же в институте заменит незабвенного Вел[икого] Кн[язя] К[онстантина] К[онстантиновича]? Думается, вряд ли найдется другой князь Константин.

Низко кланяюсь Вам, Надежде Николаевне и всему Вашему семейству.

Преданная Вам Лид. Михайлова.

ОР РНБ, Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3573. Л. 26 – 27 об.

№ 13

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Из письма ко мне я узнала о Вашем уходе с поста Директора Института нашего. Для последнего уход Ваш – большое горе, незаменимая потеря, но все, действительно любящие Вас, должны за Вас радоваться, ибо главное дело жизни Вашей – наука, а не административная деятельность. Теперь Вы более свободно отдадите себя науке, которая получит от Вас то многое, что лишь Платонов – историк¹ может дать. А посему, вместе с А. П. Лебежанской приветствую Вас с Вашим воскресением – воскресением для науки.

Глубокоуважаемой Надежде Николаевне и всему Вашему семейству мой душевный привет.

Искренно и глубокопочитающая Вас и Вам преданная Лидия Михайлова.

Волговерховье, Твер[ской] губ[ернии]. Май 1916 г.

ОР РНБ, Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3573. Л. 28 – 28 об.

№ 14

2 июля 1916 г. Волговерховье.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Мат. Вера, м. Антонина и я просим Вас принять наше приветствие с днем Вашего Ангела. Душевно желаю Вам, Сергей Федорович, и в этот новый для Вас год, и во многие последующие, больше здоровья, хорошо-хорошо поработать на благо нашей родины, науке же в гордость и процветание.

Глубокоуважаемую Надежду Николаевну и все Ваше семейство приветствуем с дорогим именинником. Преданная Вам Лидия Михайлова

ОР РНБ, Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3573. Л. 31.

¹ Подчеркнуто в письме.

№ 15

1 июля 1918 г.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Позвольте мне и нынче послать Вам вместе с наилучшими пожеланиями свое искреннее сердечное приветствие с днем Вашего Ангела. Глубокоуважаемую Надежду Николаевну и все Ваше семейство приветствую с столь дорогим именинником.

Много времени прошло уже с того дня, когда я получила последнее письмо от Надежды Николаевны, и лишь память о внимании, которым я пользовалась от Вас, позволяет мне вновь беспокоить Вас этим своим письмом.

От своих петроградских друзей я узнала вновь о Вас, о неослабной и все усиливающейся плодотворной деятельности Вашей в смысле спасения культуры нашей¹. Дай Вам, Господи, более-более сил для этой высокой благородной деятельности Вашей.

С глубокой завистью и искренней скорбью смотрю я из своего далёко на всех, каким бы то ни было способом полезным другим, я же бездеятельна, хотя и поневоле: сколько было душевных мечтаний и стремлений что-либо устроить здесь в монастыре в смысле развития духовных сил насельниц здешних; были у меня и планы действий, были и движения «наступательные», но все это потонуло в море невежества и полного застоя духовного здешних обитательниц. Без воли настоятельницы я ничего не могла сделать – даже простых чтений-собеседований, на кот[орые] хотя и было выражено согласие, но активной поддержки кот[орой] не имею и мне так и не удалось ничего, хотя и много сил я положила на многое: меня не поняли, и я лишь вооружила здесь всех против себя. От школы я также отказалась: три отделения учеников, при отсутствии и достаточных гигиенических условий школьного помещения (простая изба), еще унесли от моего здоровья, но с уже значительно опустошенной душой, и мне мучительно хочется хотя бы остатки своего душевного достояния, поскольку оно у меня существовало, спасти и направить на то дело блага ближним, кот[орое] и было лишь целью и смыслом всей моей жизни, и пока я никак не могу примириться с мыслью о своей полной несостоятельности в деле живого труда.

Жалкие слова пишу я Вам, но, простите мне так грустно, грустно и обидно, что ничего еще не

сделала, а сколько потратила сил и времени!

В силу различных практических соображений я принуждена жить пока здесь, а через это я лишена возможности нести такой труд, который давал бы известное удовлетворение моей душе. Повидимому, я не могу заняться здесь даже таким трудом, который давал бы мне, хотя средства к существованию, а ведь мою совесть тяготит еще мой денежный долг Вам.

Да, тяжело мне и стыдно за свою бездеятельность, мучительно стыдно перед всеми, кто меня знал. Мне очень тяжело потерять внимание Ваше и тех немногих людей, кот[орые] надеялись увидеть меня деятельною, я же не оправдываю их надежд, хотя рвусь к труду, и способна вполне забыть себя в ней. Лишь надежда на возможность еще сделать, хотя что-нибудь в смысле благоустройства именно жизни женских монастырей и удерживает меня здесь, но осуществима ли моя надежда?

Вы и Надежда Николаевна были ко мне всегда столь добры, что даже писали мне, и теперь, после того, как я более полугода уже не имею от Вас известий. Ваше молчание я сочту знаком того, что я действительно не заслуживаю Вашего доброго ко мне внимания.

М. Вера и вся обитель присоединяются ко мне в приветствии Вас с днем Вашего Ангела и в свидетельствовании Вам своего глубочайшего уважения. В обители пока все тихо, едва кормимся: лес крестьяне повырубили, готовые дрова вывезли, и мы боимся, что из-за голода придется всем разбегаться.

В настоящее время здесь гостит Ваша бывшая ученица по Констант[иновской] гимназии Ольга Подьячая, она также шлет Вам свой привет.

Низко Вам кланяюсь и едва мечтаю: хоть бы глазком увидеть Вас! Всего доброго. Благодарная и преданная ученица Ваша Лидия Михайлова.

Почт[овое] отд[еление]: Волговерховье. Тверской губ[ернии].

ОР РНБ, Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3573. Л. 32 – 34 об.

№ 16

7 июля 1919 г.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Примите мое, хотя запоздалое теперь, приветствие с прошедшим уже днем Вашего Ангела. Пишу Вам, и сердце болит: как-то Вы поживаете, здоровы ли Вы, благополучны ли? Известие о Вашем аресте² меня потрясло до глубины души, что

¹ В 1918 г. С. Ф. Платонов был избран председателем Археологической комиссии, назначен директором Археологического института и заведующим Петроградского отделения Главархива.

² Речь идет об аресте С. Ф. Платонова в ночь с 14 на 15 (27 на 28) мая 1919 г. в 4 часа 20 минут. Около 12 часов ночи

за причина его? Вероятнее всего, что и Вам она точно не известна. А тут еще голод, вероятно, Вы от него сильно терпите. А о нравственной пище, я думаю, и говорить не приходится... Жизнь теперь в Петрограде мне представляется каким-то адом, и, судя по слухам, доходящим до нас из нашей развенчанной столицы, я, в своем мнении о ней, далека от истины. Как себя чувствует глубокоуважаемая Надежда Николаевна и вся Ваша семья? Прошу передать им мое сердечное приветствие с дорогим именинником. Пожелание же одно: дай Бог всем Вам больше-больше силы и крепости духа и тела в ожидании новой, светлой жизни, кот[орая] должна же когда-нибудь наступить.

Мы здесь живем, что наз[ывается], на ниточке: доедаем буквально последний хлеб, испеченный из клевера и зеленых рубленых листьев свежей капусты, а ржаная мука лишь для запаха хлеба, и тот испекли в последний раз. Нет хлеба, нет и силы у наших сестер, с трудом великим подвигается наше хозяйство, да и будущее не веселит: в самом лучшем случае мы сожнем мер на 45 ржи, на 30 человек это ведь капля в море. Есть правда молоко – и только. Все мы стали сердитыми, друг дружку выжимаем, чтобы каждой еще нас больше досталось, причем, у нас цель оправдывает средства. Все так печально, уныло, ничто не дает надежды на лучшее будущее. Я хвораю, слабею, чувствую себя не в силах работать наравне с сестрами, а при настоящих взглядах на вз[аимо]отношения людей, все должны сравняться, должна и я, если хочу жить в монастыре, все делать наравне с сестрами, иначе: дармоедка и т. д. Нарушенное движение жел[езной] дор[оги] и многие материальные затруднения приучают меня, грешницу, к христианскому смирению, но как волка не корми, он все в лес смотрит! Мое постоянное нездоровье и послужило причиной моего молчания и несвоевременного поздравления Вас. Если у Вас еще хранится воспоминание о моем существовании на свете, на что я втайне надеюсь, несмотря на отсутствие с моей стороны данных, к тому-то прошу прощения за мою неисправность. Всего Вам доброго, светлого, отрадного!

Преданная Вам Лидия Мих[айлова].

P. S.: мат. Вера и м. Антонина и сестры просят передать Вам их душевный привет и сердечное поздравление.

ОР РНБ, Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3573. Л. 36 – 37 об.

он был уже дома (подробнее об этом см.: Кривошеев, Ю. В. Документы об аресте С. Ф. Платонова в 1919 г. и М. К. Любавского в 1923 г. / Ю. В. Кривошеев // Новейшая история России. – 2013. – № 3. – С. 240–244).

№ 17

3 июля 1920 г.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Поздравляю Вас с днем Вашего Ангела и шлю Вам, а также глубокоуважаемой Надежде Николаевне и всему Вашему семейству, мои наилучшие пожелания и приветствия. Уже близок день Вашего Ангела, день, когда все мы здесь в монастыре будем вновь вспоминать и говорить о Вас и молиться за Вас, за Ваше здоровье и благополучие. В последнее время Ваше имя Об особенно часто на устах всех нас, как тесно связанное с достройкой нашего каменного храма: в настоящее время у нас производятся в нем работы по постановке иконостаса в главном приделе, правда иконостаса временного, когда-то предназначенного для бокового придела, а после знакомства с Всероссийским О[бщество]м Св. Ольги и совсем было отложенного, но так как пройдет, может быть еще много лет, прежде чем явится возможность стильно и окончательно отделать храм. М. Вера и решила, хотя на время, поставить имеющийся иконостас, чтобы хотя изредка, да были службы церковные в освященном, вероятно, нынче осенью, храме. Конечно, эти работы, также как и освящение храма, будет для нас тяжелым в материальном отношении, но все же храм не будет пустовать, и он будет именно св. храмом, а не местом, где, по желанию любого товарища, могли бы проводиться митинги и т. п. На освещении храма, возможно, будут два архиерея – старший Серафим¹, Тверской и Ржевский² и наш новый еп[ископ] Осташковский – Гавриил³. Последний недавно был у нас и несмотря на свою сравнительную молодость, произвел хорошее впечатление на всех нас своим умом, добротой, доступностью, готовностью помочь, чем может, и мы немножко все приободрились, не такими одинокими и заброшенными чувствуем себя, как прежде. По делам монастыря приходится бывать в Осташкове и его уезде, и я теперь так довольна, что хотя немного могу проявить свою деятельность, а то я было совсем захирела. Здоровье-то мое не из крепких и теперь, но я пока на ногах и за это слава Богу! Вот недавно, день тому назад, вернулась я также из своей недельной по-

¹ Митрополит Серафим, в миру Дмитрий Александрович Александров (1866–1937). С 29 ноября 1919 г. Серафим (Александров) – епископ Тверской и Кашинский.

² Здесь допущена неточность.

³ Гавриил (Абалымов) (1881–1958) – епископ Осташковский, викарий Тверской епархии. 18 февраля или 8 июня 1920 г. был хиротонисан во епископа Осташковского, викария Тверской губернии.

ездки в город и Нилову Пустынь. В Осташкове я возобновила некоторые свои знакомства и с удовольствием всегда думаю о своем предстоящем посещении их, моих старых и некоторых новых знакомцев. В монастыре у нас усердно трудятся, сестер 25 человек, хотя несколько из них на родине; одновременно и сенокос и жнитво у нас, работы масса, но не успеваем, и надеемся на милость Божию, кот[орая] нас никогда не оставляла. Но как-то Вы поживаете в столь далеком от нас Петрограде, ничего я не знаю о Вас, но, не получая ответа на предыдущие мои письма, не решаюсь и теперь просить его, хотя несказанно счастлива была бы получить от Вас самую маленькую весточку. Всего Вам доброго. М. Вера, м. Антонина и все сестры шлют привет и поздравления. Преданная Вам Лидия Мих[айлова].

ОР РНБ, Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3573. Л. 38 – 40 об.

13 (26) июля 1920 г.

Ответ С. Ф. Платонова

Многоуважаемая Лидия Александровна!

Ваше письмо от 3/VII получил я только сегодня. Сердечно благодарю Вас, многотимую м. Веру, м. Антонину и всех помнящих нас за Вашу память и поздравление! Отраднo узнать, что в монастыре меня еще не забыли, а еще более отраднo, что монастырь не заглох и работает. «Знакомство со всероссийским] обществом св[ятой] Ольги» было во вред и монастырю, и моим хлопотам, а поделаться ничего против было нельзя. Не худо, что их разогнали события последних лет!

Над[ежда] Ник[олаев]на писала Вам, но без ответа. Оказывается, писали и Вы, и тоже без ответа. Ясно, что вина в почте. Над[ежда] Ник[олаев]на собирается Вам писать.

Мы благополучны; все «служим» (теперь подменяют понятие «труда» понятием «службы»), и потому я *работать* научно не могу. Верочка в Одессе, Наденька – неизвестно где. Все здоровы. Под моим ведением все здание Синода, обращенное под архивы, и я бываю в тех комнатах, где Саблер ломался передо мной, не желая помогать Вашему монастырю. Так минует слава суетная света сего! Комнаты пусты, церковь опечатана...

Шлю свои поклоны и пожелания добра всем Вам. Будьте здоровы!

Искренно преданный С. Платонов.

О. А. Папкина и брат ее умерли в Ростове-на-Дону. Кемецк[ая]! оттуда вернулась в Питер. Ек[атерина] Сем[еновна] С[ултан]-Шах здесь в Институте].

Напишите, когда предполагается освящение храма.

Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками : в 2 т. / отв. ред. С. О. Шмидт. – М., 2003. – Т. 1. – С. 240–241.

№ 18

[1921]

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Поздравляю Вас с днем Вашего Ангела и душевно желаю Вам света, радости и всякого благополучия. Глубокоуважаемую Надежду Николаевну и все Ваше семейство приветствую с дорогим именинником. Более полугодом со своего отъезда из Петрограда не знаю я ничего о Вас. И сама – то пишу Вам редко. А переживаний у меня масса. И все печальных, невыносимых по тяжести и неожиданных. Через неделю-полторы ждем к себе Владыку, надеемся, что он что-нибудь отрадное, утешительное внесет в нашу безобразную, странную, уродливую монастырскую жизнь. Все тянется для меня со дня моего приезда сюда. Чем дальше, тем хуже. В тысячный, в миллионный раз (с ужасом) сознаю весь ужас одиночества при наличии болезненности, полной немощи тела, материальной почти нищеты, быстро уходящей молодости. Надеюсь, что приезд Владыки немного рассеет этот непроглядный, ужасный мрак. После отъезда Владыки я, вероятно, напишу Вам обо всем более определенно, я тешу себя надеждой, что Ваше расположение и доброжелательство ко мне прежнее. Здоровье мое неважно, да не с чего ему и крепнуть.

Всего доброго и отрадного. Преданная Вам Лидия Мих[айлова].

ОР РНБ, Ф. 585. Оп. 2. Д. 3573. Л. 48–49.

№ 19

12 июля 1921 г. Волговерховье.

Глубокочитимый Сергей Федорович!

Ал. Петр. Лебедянская, вероятно, уже 15-го июля (ст[арый] ст[иль]) будет у Вас и с Вами говорить обо мне, вслед за ней посылаю Вам и это письмо. Как давно я не писала Вам! Наконец пишу и преимущественно о себе. Простите меня, поневоле так приходится: мои бесконечные болезни меня очень мучают, я много лежу и почти прекратила переписку с людьми, даже особенно дорогими моему сердцу. Я стала совершенно инвалидом и думаю, что мне теперь уже и не выправиться. В последнее время я особенно плохо стала чувствовать себя, но никак не могла собраться в Осташков к врачам. Наконец собралась. Врачи подвергли меня рентгенизации и

усмотрели большой камень в правой почке, и т. к. он начал уже напоминать о своем существовании, то врачи решили сделать мне немедленную операцию – этот камень удалить. В Осташкове в настоящее время расположен военный госпиталь, в котором работают недурные врачи. Но доктор Полянский, у которого я и лечилась, не советует соглашаться на операцию в Осташкове – по его словам, здешние хирурги еще не делали такой серьезной операции, и на мне попросту будут учиться, что при моей общей слабости невыносимо. И Полянский посылает меня в Петроград, к проф[ессору] Троицкому, его товарищу по академии и сослуживцу, чтобы проф[ессор] Троицкий поставил правильный диагноз моей болезни, направил меня в хороший кабинет, где меня осмотрели бы посредством хорошего аппарата (в Осташкове – убогий), сделали снимок, произвели бы некоторые специальные исследования, и уже по указанию проф[ессора] Троицкого, хорошие, опытные хирурги произвели бы мне операцию. И хотя эта операция будет тяжелая и продолжительная, и хотя я, вообще слаба, но есть надежда, что я вынесу эту операцию, а она необходима и в возможно непродолжительном времени. Вот я и хочу попросить Вас, Сергей Федорович, походатайствовать за меня перед проф[ессор]ом Троицким, с кот[орым] Вы знакомы – не возьмет ли он меня под свое покровительство, не подействует ли он моему выздоровлению, очень уж трудно мне становится, а умирать, думается, рановато мне еще. Но меня беспокоит еще и вопрос о продовольствии: должна сказать, что я не имею решительно никаких средств ни денежных, ни питательных, на монастырь в этом отношении надежды никакой нет – не умру ли я с голоду в столице, ведь в больницах теперь питание очень плохое. Что мне делать? Прошу Вас, помогите мне, поговорите с проф[ессором] Троицким относительно меня – могу ли я надеяться на то, что меня где-либо в больнице примут, осмотрят, полечат, если нужно сделают операцию, но все это на казенном содержании, т. к. я решительно ничего не имею. Прошу Вас, напишите мне о результатах Ваших переговоров обо мне, и я бы очень попросила Вас еще об одном: нельзя ли в случае благоприятного ответа от имени проф[ессора] Троицкого прислать мне служебную телеграмму с вызовом меня в Петроград – мне легче тогда будет достать необходимые для проезда бумаги, тем более, что мне придется как-нибудь устраивать и по жел[езной] дор[оге] бесплатный проезд, ибо от Осташкова до Петрограда билет стоит 108 с чем-то тысяч. Тариф повышен и на пароходах:

от Осташкова до Свапуци – II кл[асса] билет 6 800, от Ост[ашкова] до Ниловой Пуст[ыни] – 3400 р[ублей]. Теперь задумайтесь куда-либо съездить. В ожидании Вашего ответа разберу пока свои вещи и все дела свои приведу в порядок – можно ждать не только выздоровления, но и смерти, нужно к ней подготовиться. Я часто думаю о Вас, о всем Вашем семействе, быть может скоро увижу всех Вас и подробно расскажу о нашем житье – бытье. Пока же благодарю Надежду Николаевну за ее доброе отношение ко мне за ее столь хорошие письма. От всей души желаю Всем Вам здоровья и полного во всем благополучия. Простите за небрежный почерк, нездоровится мне и я устала писать. Преданная Вам Лидия Мих[айлова].

ОР РНБ, Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3573. Л. 41 – 43 об.

№ 20

2 июля 1927 г.

Глубоко чтимый Сергей Федорович!

Поздравляю Вас с днем Вашего Ангела и близких Ваших с дорогим именинником. Теперь Вы, вероятно, дома, в Ленинграде. Предполагая, что Вы находились в отсутствии, я не писала Вам некоторое время. Пишу и Надежде Николаевне сейчас. Как-то не особенно давно я Над[ежде] Ник[олаевне] писала ответное письмо, но имела затем сведения, что это письмо не достигло цели: оно вместе с другими монастырскими письмами попало под снежный дождь и приняло самый невозможный вид – пришлось его бросить.

Теперь Надежде Николаевне пишу снова. Здесь в нашем тихом уголке жизнь идет помаленьку: пашем, сеем, расчищаем лядины, корчем пни, роем канавы; добились того, что площадь пахоты теперь около 5 дес[ятин]. Получили в 5 – летнюю выплатку 200 р[ублей] на мелиорацию, что подвинет дело.

Пока, конечно, во всем хозяйстве учитываем убытки лишь, но живем, работаем, не унываем. И в уездном земельном органе снискали себе уважение. Облегчения в жизни все же имеются: наша артель учитывается как учитываются и все другие земледельческие артели, действительно трудовой, что дает льготы: отмену арендной платы, напр[имер], право пользования правительственными распоряжениями и законами вообще. Но «спустя рукава» все же нельзя жить: приходится все время трудиться и бороться с несознательностью. Я очень устаю душевно, мечтаю об отдыхе, которого не имею уже 4 года, мечтаю о лечении. Но меня попросту не отпускают

из дома: некем меня заменить. Известная Вам Юл[ия] Ник[олаевна] со скандалом уехала от нас, и мы до сих пор не можем опомниться от радости, что ее нет у нас. Удивительным созданием она была здесь! Полнейшее нежелание считаться с порядками и всем строем жизни окружающих людей; абсолютнейшее презрение чужого «я» до идиотизма, я бы сказала, уверенность в своем призвании играть какую-то важную роль, первенствующую роль – вот характерная черта ее личности. Все проистекающее из них, конечно, лишено было и малейшей привлекательности, особенно в последнее время, когда она начала мстить некоторым из нас неизвестно за что. Я ее раньше очень жалела, но потом оставила; и теперь только сожалею, что раньше не отошла от нее, несравненно было бы меньше мне неприятностей. Пока всего Вам доброго. Не теряю все же надежды получить от Вас весточку.

Душевно преданная Л. Мих[айлова].

ОР РНБ, Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3573. Л. 44 – 45 об.

№ 21

Великая Суббота¹.

Христос Воскресе! Глубокочтимый Сергей Федорович!

Поздравляю Вас, глубокоуважаемую Надежду Николаевну и все Ваше семейство с наступающим Светлым Праздником В[оскресения] Хр[истова] и душевно желаю всем Вам одного лишь светлого и доброго.

Простите: за недосугом писание праздничных писем для игуменьи я не смогла вовремя послать Вам это свое письмо; пишу его в страстную субботу, так что получите его уже поздно. Иногда некоторые свободные минуты между болезнями своими и деловым недосугом мне удается посвятить любимому своему занятию – писательству. С этим письмом своим и посылаю вам такую пробу пера «Geniusloci» является как бы предисловием к целой серии небольших вещиц, из которых одну «Лесная фея» – я предлагаю Вашему вниманию. Затем я решила, кроме имеющихся у меня в рукописи исторического описания нашего монастыря, составить таковое же в литературной форме в виде писем, из которых первое также посылаю Вам. Будьте столь добры – просмотрите написанное мною и, если Вас не очень это затруднит, сообщите мне свое мнение: стоит ли мне заниматься подобными пустяками? Пишу я вообще-то для себя. Но если бы Вы нашли в моем

писательстве хоть малую способность к нему, я отнеслась бы к нему серьезнее. По-прежнему мне дорого Ваше мнение, и, несмотря на 15 лет моей жизни здесь, я остаюсь душой такой же, какою и была. Зато мне особенно тяжело видеть и сознавать свою покинутость прежними моими друзьями и вообще людьми, прежде добро относившимися ко мне, среди каковых первое место принадлежит Вам, Надежде Николаевне. Осенью, когда мне особенно было душевно тяжело, я писала Надежде Николаевне и в ответ получила сердечное, одобрявшее меня тогда письмо с обещанием Надежды Николаевны часто мне писать. Но более я не получила ни строчки, также как ни на одно из последующих своих к Надежде Николаевне писем. Из этого я заключила, что я чем-то оскорбила Надежду Николаевну, Вас и очень мучаюсь: чем же? Я не умею себя переделать, не могу отнестись к людям иначе, чем ранее относилась, и в этом для меня постоянный источник нравственных страданий. Быть может, Сергей Федорович, Вы попросту, не боясь меня обидеть горькой истиной, объясните мне: в чем моя вина перед Вами? Я постараюсь исправиться. Ведь меня никто не воспитывал, я с раннего детства росла, как трава в поле; наблюдала, как другие люди живут, тянулась за ними; а здесь в глуши, среди грубых, полуграмотных людей я, видимо, и сама совсем огрубела. Но тяжесть от этого ложится, прежде всего, на меня же. Сергей Федорович, во имя прежнего Вашего учительского отношения, напишите мне, ответьте на мучающие меня вопросы.

В больницу мне не удалось лечь: постоянная задержка, отсутствие денег. Не было из-за этого возможности вовремя выехать, а когда я, наконец, достала деньги, наступила форменная бездорожица, и я осталась. Летом же из-за всяких монастырских дел никуда, пожалуй, не придется выбраться, и лечение свое придется опять до осени отложить. Но на все воля Божья! Здоровье мое только совсем плохо. Прошу передать мой душевный привет глубокоуважаемой Надежде Николаевне и всему Вашему семейству.

Неизменно преданная Вам Л. Мих[айлова].

ОР РНБ, Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3573. Л. 54–55.

№ 22

6/19 июля 1927 г.

Глубокочтимый Сергей Федорович!

Большое – большое Вам спасибо за письмо. Я его получила сразу же после того, как отправила свое к Вам. И в эти несколько после получения Вашего письма дней, очень занятых у

¹ Если Пасха в 1927 г. приходилась на 24 апреля, то письмо написано 16 апреля.

меня поездками деловыми, бумагами, личными неприятностями и тревогами, я находила много отвлечения себе от тяжелой действительности и утешения в мыслях о Вас, Надежде Николаевне. Слишком много светлых, чистых освежающих душу и сердце воспоминаний связано у меня с Вашими именами. Эти воспоминания «святая святых» моей души; они придают аромат и тепло моей юности, что в свою очередь дает мне новые желания жить, и силы продолжать свою жизнь... Болит лишь сердце за Вас: в Вашем письме есть строчки, которые невольно заставляют обращаться к Богу с детской собственнo молитвою: «Боже милый огради, Ты всех моих далеких, любимых, от всякого зла, и, если есть у них горе, отдай его мне, – пусть их жизненная дорога будет легка и светла...». Это детская молитва, но настроение ее я изменять не желаю.

Я пишу сейчас эти строки и вспоминаю Ваши слова: «поменьше идеализации и лирики». Склонность к идеализации у меня вообще есть, и развилась она, собственно, под влиянием тяжелой, безрадостной действительности; часто бывает мне так плохо, настоящее и будущее кажутся столь мрачными, что для душевного равновесия приходится несколько идеализировать прошлое для себя. Но в письмах к Вам в своих «Письмах о Волговерховье», в «Geniusloci»¹, я вполне реальна. Я в них такова, каковой я была с Вами некогда. В те далекие годы, несомненно, я была значительно лучше, чище, с более идеальной настроенностью, нежели теперь. Все это отразилось тогда в моих взглядах на жизнь и людей. Жизнь в глухой деревне помогла мне несколько сохранить их и отразить в своих записках. Пусть я вследствие этого кажусь сентиментальной, хотя мне и самой это не совсем любо, но чувствительность эта облегчает мне жизнь. Корень же чувствительности и идеализации, вообще в моей с раннего детства тяжелой жизни, которая наградила меня мучительной неврастением. С ней я внимательно и усиленно борюсь, излечить же ее может лишь полная перемена всех моих жизненных условий. Сиротство – ужасная вещь. Семи лет я потеряла отца, сестру, несколькими годами старше меня и, пожалуй, мать. Правда она прожила после смерти отца еще 10 лет, но была уже очень больная. Она не могла меня воспитывать, она нуждалась лишь в уходе за собой. И с семи лет я вступила в борьбу за существование. С детства я ничему и никому не завидовала, только тем, у которых были отцы, (почему то именно отцы, а не матери). У меня создался идеал отца и каждый, кто подхо-

дил к нему, вызывал в душе моей мучительное чувство зависти и желание быть ближе к нему. Позвольте мне быть откровенной до конца: таким человеком явились Вы и вот уже 20 лет им и остаетесь. Это не идеализация Вас, это некорыстные ожидания от Вас: поистине, как относилась и отношусь к Вам, так относиться я могла бы к родному отцу. Вы с Надеждой Николаевной создали столь чудесный, столь уютный семейный очаг, что я невольно постоянно влеклась к Вам, не будучи в состоянии держать себя от Вас на далеком расстоянии. Я отогревала у Вашего огонька зябнущую свою душу и одинокое сердце, и мне было хорошо! Самой устроить свою жизнь, свое гнездо, зажечь свой огонек, хотя я имела к тому возможность, мешало мне постоянно слабое мое здоровье. Отсюда мой страх потерять Вас, страх огорчить Вас, отсюда идеализация и лирика, Вами осужденные.

Ваше суждение о моих писаниях меня лишь порадовало. Не беда, что все останется в рукописи и пригодится лишь Пушкинскому Дому и Румянцевскому музею – это-то и хорошо для меня, и интересно, и ценно. Благодарю Вас душевно, Вы обладаете удивительной способностью указывая недостатки, обращать внимание и на положительные стороны, умеете ободрить, и даже – воодушевить. (Не примите опять за идеализацию!) Спасибо сердечное!

Кстати: своего «Гения» я начала писать еще 10 лет назад. Как-то тогда гостила у меня одна моя приятельница. Между прочим, по прочтении моих очерков она мне сказала, что когда-то она читала «Очерки об Италии», сделанные одной английской писательницей, и что у меня с очерками последней есть много общего, особенно признание какого-то «гения мести», которого английская писательница и назвала латинским именем Geniusloci. Мне это название понравилось, как достаточно точно определяющего сущность этого духа, и я присвоила его и своим перлам. Правда это имя более подходит к итальянским перлам, в России нужно бы назвать его по-русски, но я лучше пока не могу придумать. Интересно мне прочесть бы упомянутые «Очерки об Италии». К сожалению, обещанная мне книга пока не попала в мои руки. Пока кончаю. Простите, что утомила Вас длинным письмом, но быть может, Вы не очень рассердитесь на меня за мою исповедь и признания, Вам, вероятно, уже известные ранее? Если Вы все это найдете глупым, смешным, достойным лишь осуждения, забудьте попросту. Но я до конца жизни своей не смогу и не сумею изменитьсь.

¹ Genius loci – (латинское) добрый гений (данного места).

Почта наша, не всегда точная, сделала то, что это к Вам письмо и письмо мое к Надежде Николаевне пойдут одновременно.

Всему Вашему семейству мой сердечный привет и добрые пожелания. Преданная Вам Лид. Мих[айлова].

Р. S. Но мысль: как-то Вы все сейчас поживаете. Здоровы ли Вы, благополучны ли, меня все не оставляет... Л. М.

ОР РНБ, Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3573. Л. 46 – 47 об.

Судите строго, но милостиво.

Geniusloci

Пятнадцатую весну я встречаю на Волговерховье. Как к старому другу, питаю я к этому месту чувство любви и благодарности, т. к. местность эта до сих пор вызывает во мне восхищение и благодарность, ибо здесь душа моя находила много содержания жизни и даже ее поэзию. У меня с Волговерховьем создалась какая-то интимная связь, неотразимо влекущая меня сюда отовсюду, где бы я не была в это время года. Когда взбираюсь на вершущи холмов, откуда открывается вид на далекие зубчатые леса и засеянные поля, когда пробираюсь по глухой, едва заметной лесной тропинке, когда прислушиваюсь к мелодичному журчанию по камням ручейка и вглядываюсь в игру света и теней в маленьких-маленьких волнах его, когда издали люблюсь величавым видом обширного монастырского каменного храма с его блестящими на солнце серебряными главами, я постоянно ощущаю около себя присутствие особого духовного существа, которое глядит на меня везде – и в лесу, и в поле. Глядит из лесного ручейка и с высоких глав монастырского храма, глядит на меня, чарует меня. И воспоминание о нем звучит в душе моей, как мелодия.

Немудрено, что Волговерховье является для меня местом, где я могу жить долго, быть может, и всегда, не теряя никогда восхищения и благодарности. Эта удивительная власть Волговерховья над моим сердцем не может быть измерена даже моими друзьями, с нежной заботливостью относящимся ко мне, и также восхищающимися этой местностью в немногие дни своего временного пребывания здесь. Нужны месяцы, даже годы, чтобы действительно понять, оценить сущность моего друга, geniusloci, и подчиниться его удивительной власти, которая долго-долго останется жить в воспоминаниях, даже если встречи с geniusloci были и кратки.

Я люблю своего друга, и эта любовь ищет себе исхода. Мне хочется говорить о ней, писать о

ней, чтобы она не умерла во мне, будучи достоинством лишь моего сердца, мне хочется любовью этой коснуться сердца, хотя бы немногих друзей моих, чтобы показать им всю прелесть интимных отношений, что завязываются с geniusloci при посещении некоторых поэтических уголков в окрестностях Волговерховья, где geniusloci особенно любит появляться, где он себя чувствует легко и привольно, и, следовательно, счастливо.

Лесная фея

Сегодня с утра чудная солнечная погода. С наслаждением бродила я по окрестностям монастыря, любовалась и на темно-голубое небо с легкими кружевными облачками, и на зелень деревьев, зубчатой стеной обступающих меня со всех сторон, и на яркое золото, что там и сям по ветвям берез и осин раскидывает наступающая осень.

Прелестна лесная дорога, то извинаящаяся по холмам, то пропадающая на сухом, каменистом грунте. Вдыхая крепкий аромат растопленной солнцем смолы, я медленно шла, и мне казалось, что я вступаю в таинственный храм природы, заглядываю в жилище лесной феи. Да вот и она, эта лесная фея, в ее роскошном светло-зеленом, осыпанном алмазами и бриллиантами платье. Длинные серебристые волосы, как воздушное покрывало, волной спускаются до самой земли, нежные руки манят к себе, как бы приглашая войти в таинственное жилище прелестной обитательницы леса.

Иллюзия была настолько велика, что я не сразу могла сообразить, что это в действительности такое, и быстро сбежала с горки вниз, туда, где как бы на пороге, стояла фея. И лишь близко-близко подойдя, я убеждаюсь, что моя фея – бледно-зеленая, вся залитая солнечным светом серебристая ива. Легкий ветерок чуть покачивал длинные гибкие ветви, и geniusloci, мой неизменный друг услужливо подсказал моей фантазии увлекательный прелестный образ лесной феи.

Иду дальше и через естественные как бы врата, в середине которых стоит ива-фея, я выхожу на довольно обширную поляну-холм; вершина его распахана, и в данную минуту покрыта рядами поставленных снопов спелого ячменя; спускаюсь ниже, к лесу и вижу густые заросли кустарника. Каких-то высоких развесистых трав; высокие, покрытые бархатом мха, пни, огромные красные мухоморы, выглядывающие из-за них, какие-то большие лесные птицы, спугнутые мной и с шумом исчезающие в части, сильный одуряющий запах разлагающихся прошлогодних листьев и трав, присущей каждому глухому лесному угол-

ку, глубокая тишина, нарушаемая лишь шелестом вечно находящихся в движении листьев осины, настойчиво говорят мне, что здесь жилище лесной феи, которую я увидела издалека и которая при моем приближении, в присутствии холодного разума, скрылась от меня и превратилась в бледно-зеленую серебристую иву.

Письма из Волговерховья

Письмо первое.

Уйдем от пыльных городов

Уйдем с тобою в мир цветов,

Туда, где – мощные леса,

Где ярко искрится роса,

Где новый мир, особый мир

Поет звучнее наших лир,

Где ветерок бежит спеша, где раскрывается душа... Шелли.

ОР РНБ, Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3573. Л. 50 – 51 об.

№ 23

12/25.09.1927

Карандашная помета: «7/ X – ответ».

Глубокочитимый Сергей Федорович!

Поздравляю Вас с дорогою именинницею, и всей душой желаю и Вам, и Надежде Николаевне быть здоровыми, бодрыми и духом, и телом, главное, здоровыми и во всем благополучными. Надеюсь, Сергей Федорович, что я не особенно Вас испугала своим последним посланием к Вам, месяца два тому назад посланным и что Вы не очень сомневаетесь в наличии у меня здравого рассудка. Только ради Бога, не подумайте, что что-нибудь корыстное, ожидание от Вас каких-либо материальных благ или вообще большого внимания от Вас к себе, побудило меня писать Вам о своих чувствах: я не нахожу в них к Вам ничего дурного, ничего связывающего и обязывающего Вас к чему-либо в отношении меня – просто хотелось Вам сказать то, что есть, особенно при мысли, что здоровье иногда сильно мне изменяет, и я могу Вас более никогда не увидеть – только и всего! Но если Вам было неприятно читать, подобное последнему мое письмо, простите великодушно.

Одновременно посылаю письмо и Надежде Николаевне. Так хотелось бы, чтобы оно не пропало. Всего-Всего Вам лучшего.

Душевно преданная Вам Л. Мих[айлова].

ОР РНБ, Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3573. Л. 56 – 56 об.

№ 24

9/22.XI.1927

Глубокочитимый Сергей Федорович!

Письмо Ваше от 7/X получено было мною быстро, и мне очень хотелось на него еще Вам написать кое-что, да я придержала себя, чтобы дать Вам возможность несколько забыть обо мне: чувствую, что порядочно надоела я Вам своей перепиской. Ваше письмо от 7/X меня успокоило, и я в своих верховьях Волги пока сидела смирно. Не знаю, что совершилось со мною, но резко я убедилась, что живой человек, которому нужно и делать, и питаться, по поводу чего я убедилась еще, что и чистый воздух полей, и лесов Волговерховья может быть душен для меня, так же как и исполнительность моя в письмоводстве – непитательна. Глубокое убеждение в необходимости существования мон[асты]рей как хранилища веры, без которой жить нельзя, меня и питало, и согревало в моей жизни и заботе здесь. Изредка, а теперь и довольно часто, подувало на меня со стороны холодком – являться стала мысль, что ведь мон[асты]рей сейчас уже нет, есть кое-где только артели, а духовности уже последние остатки исчезают. Видимо м[онасты]рь нужно в себе устраивать. Это сознание причинило мне много огорчения, но в то же время показалось и дало мне почувствовать испытываемый умом и сердцем моим голод – отсюда и тоска моя, и показало также и ту, правда очень узенькую, для меня тропинку, которая меня выведет к людям и к жизни. Видимо, полученное мною образование имеет свои права. И о них заявляет. Одним словом, во мне произошло нечто вроде маленького землетрясения (ведь это модно теперь!). Я смеleю, хотя и смущаюсь этим, и очень тянусь к мнящей меня работе мысли. Не знаю, к хорошему ли концу приведет все это меня? Конечно, служение м[онасты]рю, как таковому, я не изменю, потерплю еще, посмотрю что дальше вообще с ними будет. Но решила досуги свои отдавать занятиям светским: пока своим очеркам, а потом думаю привести в порядок мои записки – наблюдения над говором Осташк[овского] у[езда]. Не знаю я только, может ли подобная работа быть кому-либо полезна? Не будете ли Вы столь добры сказать мне – стоит ли ею заниматься? Я ведь совсем отстала от жизни и от науки, не знаю, что теперь нужно и той, и другой, но практич[еские] занятия с Н. М. Каринским¹ помню, и как-то на досугах я

¹ Каринский Николай Михайлович (1873–1935) – российский и советский филолог-славист, палеограф, диалектолог, член-корреспондент АН СССР (1921, до 1925 г. – РАН), доктор языкознания (1934).

стала прислушиваться и записывать формы говора здешнего. Вообще, охота у меня что-то делать – смертная, да участь то моя горькая. Но, серьезно говоря, не могу ли я, живя здесь, вести занятия подобно только что указанным мною, у кого-нибудь? Вот эти то занятия и явились бы для меня той узенькой тропинкой, о которой я только что писала.

Числа 20-го декабря н[ового] ст[илия] думаю поехать в Москву полечиться. На людей посмотреть, с ними побеседовать. Пробуду в М[оскве] и праздники. Не будете ли Вы случайно в М[оскве], в то же время? Соскучилась я, хочется и повидать Вас, и поговорить с Вами. Будьте в таком случае столь добры, напишите мне, где я могу Вас найти: если бы Вы ничего не имели против, я пришла бы к Вам. Таким образом, я опять надеюсь, что Вы ответите мне, о чем очень-очень прошу Вас. Я всегда глубоко благодарна Вам за каждое даже слово, обращенное ко мне, большое-большое Вам спасибо за Ваше последнее письмо, но мне опять хотелось бы знать – здоровы ли Вы, Надежда Николаевна, вся Ваша семья, благополучны ли Вы?

Я не идеализирую ни Вас, ни Над[ежду] Ник[олае]вну. Я только с начала нашего знакомства обратила внимание на привлекательность для меня хороших свойств Ваших и Над[ежды] Ник[олаевны] и при некотором постоянстве своего характера добрые чувства к Вам обоим я донесла до сих пор и сохранию их до конца своей жизни, я в этом уверена, в чем, позвольте уверить и Вас, и Н[адежду] Н[иколаевну]. Всей семье Вашей мой сердечный привет. Преданная Вам душевно Лид. Мих[айлова].

Р. С. Я очень хорошо сознаю свое ничтожество перед Вами, но мысль, что и я все же человек, придает мне смелости Вам докучать своей назойливостью. Простите уж меня великодушно. Одновременно посылаю письмо и Н[адежде] Н[иколаевне].

ОР РНБ, Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3573. Л. 57–58.

№ 25

Написано карандашом.

Глубоко чтимый Сергей Федорович!

Приветствую Вас с наступающим днем Вашего Ангела и всей душой желаю Вам здоровья, бодрости духа и много-много сил для жизни среди всех нас, жизни всем нужной и полезной. С глубокой скорбью узнала я о кончине Надежды Николаевны¹. Не стало еще одного хорошего человека, погас еще один источник света и тепла сердечного – как легко и хорошо отогревалась в лучах его душа одинокая, опечаленная, страдающая. Как скоро близкой родной становилась душа Надежды Николаевны каждому человеку, который тянулся к ней за утешением. Никогда я не забуду всей ласки, внимания, истинного материнского отношения к себе покойной Надежды Николаевны. Чутко, чрезвычайно чутко отзывалось ее сердце на жизнь и быстро сгорело оно – надо бы еще пожить!.. Теперь оно покойно. И у нас великая беда, Сергей Федорович: сюда в московскую больницу, где я продолжаю лежать, из дома пришла на днях весточка: все у нас закрыто, ликвидировано, м. Вера, м. Антонина и еще несколько сестер взяты в исправ[ительный] дом. Б[ыть] м[ожет] та же участь постигнет и меня. Жду с минуты на минуту. Сейчас у меня экссудативный плеврит, который тянется уже два месяца; если по-благому, то еще несколько месяцев нужно бы пролежать, а теперь не знаю, что со мною будет. Но я очень слаба, больна, хотя в подобном случае больница меня держать не будет.

Желаю Вам всего-всего доброго. Привет всему Вашему семейству. Преданная Вам Л. Мих[айлова].

13 июля 1928 г.

ОР РНБ, Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3573. Л. 59–60.

¹ 13 июня 1928 г.

Список литературы

1. Алеврас, Н. Н. Специфика провинциального социума дореволюционного Урала в ракурсе региональной истории: на пути к социокультурным исследованиям прошлого / Н. Н. Алеврас // Роль и значение региональной истории в современной российской и польской историографии. Материалы российско-польского научного семинара. Екатеринбург, 20 октября, 2008. – Екатеринбург, 2010. – С. 1438.
2. Брачев, В. С. Крестный путь русского историка: Академик С. Ф. Платонов и его «дело» / В. С. Брачев. – СПб., 2005. – 436 с.
3. Глушков, С. Монастырь на истоке. (К 100-летию Ольгинского монастыря) / С. Глушков // Твер. старина. – 2009. – № 29. – С. 89–101.

4. Корзун, В. П. Московская и петербургская школы русских историков в письмах П. Н. Милукова С. Ф. Платонову / В. П. Корзун / Отечествен. история. – 1999. – № 2. – С. 171–182.
5. Кузнецов, А. А. К вопросу об особенностях отношений С. Ф. Платонова с Нижегородскими краеведами / А. А. Кузнецов // Вестн. Нижегород. ун-та. – 2010. – № 4 (1). – С. 194–197.
6. Мамонтова, М. А. С. Ф. Платонов: поиск модели исторического исследования : автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. А. Мамонтова. – Омск, 2002. – 26 с.
7. Мельников, А. В. «Так совершилась созданная революцией реформа Архивного дела в России». Воспоминания академика С. Ф. Платонова. 1923 / А. В. Мельников // Истор. архив. – 2008. – № 3. – С. 33–35.
8. Митрофанов, В. В. Просветительская деятельность С. Ф. Платонова в российской провинции / В. В. Митрофанов. – Нижневартовск, 2014. – 403 с.
9. Митрофанов, В. В. Роль С. Ф. Платонова в издании археологической карты Тверской губернии (вступ. ст. публик., коммент.) / В. В. Митрофанов // Рос. археология. – 2015. – № 2. – С. 177–185.
10. Митрофанов, В. В. Эпистолярные источники по истории строительства Спасо-Преображенского собора Ольгинского монастыря / В. В. Митрофанов // Православие, наука, образование. – 2016. – № 2. – С. 31–37.
11. Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки, Ф. 585. Оп. 1. Д. 3573; Оп. 4. Д. 5958.
12. Чирков, С. В. Издательская и научно – организационная археографическая деятельность С. Ф. Платонова / С. В. Чирков // Археография в творчестве русских ученых конца XIX – начала XX вв. – М., 2005. – С. 199–250.
13. Шмидт, С. О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии / С. О. Шмидт. – М., 1997. – 612 с.
14. Шмидт, С. О. Предисловие / С. О. Шмидт // Под шапкой Мономаха. – М., 2001. – 536 с.

Сведения об авторе

Митрофанов Виктор Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры «Гуманитарные и естественнонаучные дисциплины», Филиал Южно-Уральского государственного университета (Научно-исследовательского университета) в г. Нижневартовске. Нижневартовск, Россия.

Viktor-n1962@mail.ru

Magistra Vitae.
2017. No 1. P. 176–196.

‘THIS AMAZING VOLGOVERHOVYE POWER OVER MY HEART’: LETTERS FROM L.A. MIKHAYLOVA TO S. F. PLATONOV

V. V. Mitrofanov

*The branch of the South Ural State University (research universities) in the city of Nizhnevartovsk.
Nizhnevartovsk, Russia. Viktor-n1962@mail.ru*

S. F. Platonov continued to correspond with numerous students at the Women's Pedagogical Institute after they had graduated. The correspondence with L. A. Mikhaylova was the longest and most interesting one, it lasted from 1909 to 1928. By virtue of circumstances and thanks to S. F. Platonov she got to the Olginskiy convent in the upper Volga. The letter-writer's art and spiritual quest overcame obstacles caused by the health condition of L. A. Mikhaylova.

The published letters are an important historical source about life in the Olginsky convent from its opening to closing. Many unknown facts of the convent life allow us to reconstruct its history, define the role of the scientist to resolve the convent's financial problems, especially during the finishing of the Transfiguration Cathedral. The facts also reflect different stages in the history of Russia: the First World War, the establishment of Soviet power, the NEP and the totalitarian regime formation.

Keywords: S. F. Platonov, N. N. Platonova, L. A. Mikhaylova, Abbess Vera, Olginsky convent, correspondence, spiritual quests.

References

1. Alevras N.N. Specifica provincial'nogo sociuma dorevoljucionnogo Urala v rakurse regional'noj istorii: na puti k sociokul'turnym issledovanijam proshlogo [Specificity of the provincial society of the pre-revolutionary Urals in the foreshortening of regional history: on the way to sociocultural studies of the past]. *Rol' i znachenie regional'noj istorii v sovremennoj rossijskoj i pol'skoj istoriografii. Materialy rossijsko-pol'skogo nauchnogo seminara. Ekaterinburg, 20 oktjabrja, 2008* [The role and significance of regional history in contemporary Russian and Polish historiography. Materials of the Russian-Polish scientific seminar. Yekaterinburg, October 20, 2008]. Ekaterinburg, 2010. Pp. 14–38. (In Russ.).
2. Brachev V.S. *Krestnyj put' russkogo istorika: Akademik S. F. Platonov i ego «delo»* [The way of the Cross of the Russian historian: Academician S. F. Platonov and his “business”]. Saint Petersburg, 2005. 436 p. (In Russ.).
3. Glushkov S. Monastyr' naistoke. (K 100-letiju Ol'ginskogo monastyrja) [Monastery at the source. (To the 100th anniversary of the Olginsky Monastery)]. *Tverskaja starina* [Tver antiquities], 2009, no. 29, pp. 89–101. (In Russ.).
4. Korzun V.P. Moskovskaja i peterburgskaja shkoly russkih istorikov v pis'mah P. N. Miljukova S. F. Platonovu [Moscow and St. Petersburg schools of Russian historians in letters P. N. Milyukova S. F. Platonov]. *Otechestvennaja istorija* [National history], 1999, no. 2, pp. 171–182. (In Russ.).
5. Kuznecov A.A. K voprosu ob osobennostjakh otnoshenij S.F. Platonova s Nizhegorodskimi kraevedami [To the question of the peculiarities of the relations of S.F. Platonov with Nizhny Novgorod regional specialists]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta* [Bulletin of the University of Nizhny Novgorod], 2010, no. 4 (1), pp. 194–197. (In Russ.).
6. Mamontova M.A. *S. F. Platonov: poisk modeli istoricheskogo issledovanija* [S. F. Platonov: the search for a model of historical research]. Omsk, 2002. 26 p. (In Russ.).
7. Mel'nikov A.V. «Tak sovershilas' sozdannaja revoljucij jreforma Arhivnogo dela v Rossii». Vospominanij aakademika S. F. Platonova. 1923 [“This is how the reform of the Archives business, created by the revolution, was accomplished in Russia”. Memories of Academician S. F. Platonov. 1923]. *Istoricheskij arhiv* [Historical archive], 2008, no. 3, pp. 33–35. (In Russ.).
8. Mitrofanov V.V. *Prosvetitel'skaja dejatel'nost' S. F. Platonova v rossijskoj provincii* [Educational activity S. F. Platonov in the Russian province]. Nizhnevartovsk, 2014. 403 p. (In Russ.).
9. Mitrofanov V.V. Rol' S. F. Platonova v izdanii arheologicheskoy karty Tverskoj gubernii [The role of S. F. Platonov in the publication of an archaeological map of the Tver region]. *Rossijskaja arheologija* [Russian archeology], 2015, no. 2, pp. 177–185. (In Russ.).
10. Mitrofanov V.V. Jepistoljarnye istochniki po istorii stroitel'stva Spaso-Preobrazhenskogo sobora Ol'ginskogo monastyrja [Epistolary sources on the history of the construction of the Transfiguration Cathedral Monastery Olginsky]. *Pravoslavie, nauka, obrazovanie* [Christianity, science, education], 2016, no. 2, pp. 31–37. (In Russ.).
11. *Manuscript department of National Library of Russia*. T. 585. Op. 2. D. 3573; Op. 4. 5958. (In Russ.).
12. Chirkov S.V. Izdatel'skaja i nauchno organizacionnaja arheograficheskaja dejatel'nost' S. F. Platonova [Publishing, scientific and organizational archeographic activities Platonov]. *Arheografija v tvorchestve russkih uchenyh konca XIX – nachala XX vv.* [Archeography in the work of russian scientists of the end of the 19th – early 20th centuries]. Moscow, 2005. Pp. 199–250. (In Russ.).
13. Shmidt S.O. *Put' istorika: Izbrannye Trudy po istochnikovedeniju i istoriografii* [The Historian's Way: Selected Works on Source Studies and Historiography]. Moscow, 1997. 612 p. (In Russ.).
14. Shmidt S.O. Predislovie [Foreword]. *Pod shapkoj Monomaha* [Under the Hat of Monomakh]. Moscow, 2001. Pp. 10. (In Russ.).